

Глава 911: Юг ручья, кто-то говорит

В глубинах леса был ясный и мелкий ручей. На камне у ручья лежало жареное мясо и немного оставшейся рыбы.

Цюшань Цзюнь взял недавно зажаренную рыбу из гриля и сунул ее в руку Бай Кая, говоря: «Пока ты ешь рыбу, посмотрим, научишься ли ты держать рот закрытым».

Бай Кай немного нервничал. Взяв жареную рыбу, он начал серьезно есть, не смея озвучить свои мнения.

Ученики Секты Меча Горы Ли вынули свои мечи и начали колющими ударами ловить рыбу в ручье. Воздух на мгновение наполнился всплесками воды и смехом молодых людей.

Цюшань Цзюнь вымыл руки в ручье, после чего присел на камень рядом с Гоу Ханьши.

Гоу Ханьши сказал: «Я не ожидал, что покинув штаб Армии Горы Сун, ты пойдешь долгим путем от Города Ханьцю. Ты вернулся на несколько дней позже, чем описал в письме».

Цюшань Цзюнь объяснил: «Когда я отправился от Наклонного Утеса в штаб Армии Горы Сун, я увидел кое-кого из семьи и последовал за ним».

С интеллектом Гоу Ханьши он немедленно заметил проблему в этих словах: «Кого?»

После паузы Цюшань Цзюнь ответил: «Чэнь Чаншэна».

Как только он и Гоу Ханьши начали говорить, шум на ручье стал намного тише.

Когда он произнес имя 'Чэнь Чаншэн', это привлекло взгляды всех младших братьев.

И после того, как Цюшань Цзюнь закончил пересказывать историю Конной Фермы Наклонного Утеса, ручей был абсолютно тихим, все молчали очень долгое время.

Гоу Ханьши тоже был лишен дара речи. Он, по-видимому, хотел сказать что-то, но не смог выдать из себя слова.

Лицо Бай Кая было красно-опухшим, и он с трудом не подавился до смерти куском плохо пережеванной рыбы.

«Что вы все думаете?» - невыразительно сказал Цюшань Цзюнь.

Гоу Ханьши улыбнулся и покачал головой, указывая, что у него не было своего мнения на этот вопрос.

Бай Кай с большим трудом проглотил этот кусок рыбы, после чего повторно закачал головой, указывая, что он не смел высказывать мнение о своем старшем брате.

Цюшань Цзюнь посмотрел на него и сказал: «Говори, что хочешь сказать».

Бай Кай очень долго колебался прежде, чем прошептать: «Старший Брат... Похоже, что у тебя и него плохо со зрением».

.....

.....

«Чэнь Чаншэн - порядочный человек».

Цюшань Цзюнь сделал паузу, а затем добавил: «Но, жаль, мы не можем быть друзьями».

Он не знал, что Чэнь Чаншэн испытывал то же самое.

Гоу Ханьши улыбнулся и сказал: «Я лучше, чем вы оба, в этом аспекте, потому что могу быть друзьями с вами двумя».

Бай Кай протиснулся на камень и присел возле Цюшань Цзюня: «Старший брат, ты действительно выдающийся эксперт. Насколько бы выдающимся ни был Чэнь Чаншэн, ему все еще требовалось полагаться на тебя сегодня, чтобы остаться целым».

Это ссылалось на тот факт, как Цюшань Цзюнь использовал около десяти рисунков, чтобы убедить Бе Янхуна и сломать план Великого Западного Континента.

Но на лице Цюшань Цзюня не было знаков гордости или довольства. Наоборот, он был довольно мрачным.

«Мне не нравился Бе Тяньсинь, так что меня не особо это волновало в начале, и я слишком беспечно относился к этому. Я не ожидал, что люди Великого Западного Континента посмеют убить его».

Он замолчал на некоторое время, после чего сказал: «Если бы я был немного более бдительным, он бы мог не умереть».

Гоу Ханьши задумался над этим, после чего похлопал его по спине. Сменив тему, он сказал: «Что касается закрытия Храма Южного Ручья, мы хотим сделать что-то?»

«Младшей Сестре никогда не нужно было, чтобы кто-то заботился о том, как она все делает».

«Похоже, что у Чжэсю кое-какие сложности».

«Поговорим об этом, когда вернемся».

Цюшань Цзюнь встал и начал выходить из леса.

Ученики Секты Меча Горы Ли в ручье поспешно выбежали из воды и при помощи истинной эссенции высушили свою одежду. Они следовали сзади, неся десяток свежих рыбин.

Горный путь все еще был тихим и спокойным. Птицы почувствовали, что снова стало безопасно, так что вернулись в лес, и воздух наполнился их приятными песнями.

От гор раздались звуки обезьян, дерущихся друг с другом.

Цюшань Цзюнь наклонил голову в бок, прислушиваясь, после чего сделал глоток из винного кувшина и повел своих младших братьев вниз по горному пути.

.....

.....

На плато на вершине той горы было пусто, но плато, где располагался Храм Южного Ручья, было заполнено людьми. Под зелеными деревьями и цветами тихо стояло несколько сотен учениц Храма Южного Ручья. Они уже не так нервничали, как в последние несколько дней. Почувствовав аромат цветов, некоторые из младших учениц даже принялись несколько раз.

Проблема все еще не была решена, но так как Святая Дева уже покинула свое уединение, о чем должны были волноваться эти ученицы?

В самой глубокой части комплекса Храма Южного Ручья было выложено два молитвенных коврика в самом высоком месте в соломенной хижине. Сюй Южун и Чэнь Чаншэн сидели там.

При этом зрелище Хуай Шу нахмурилась в недовольстве, пока Хуай Би тихо раздумывала о своих мыслях.

Хуай Жэнь медленно сказала: «Ваше Святейшество Поп понес значительные ранения. Будет лучше, если вы отправитесь отдыхать».

Было очевидно, что имела в виду самая старшая боевая великая тетя Храма Южного Ручья.

Независимо от того, какое мнение было у Сюй Южун о закрытии храма или возвращении этих боевых великих тетей из путешествий, все это были внутренние дела Храма Южного Ручья.

Так как это были внутренние дела, они должны решаться самим Храмом Южного Ручья. Даже если Чэнь Чаншэн был Попом, для него было неуместно сидеть здесь.

Но после ее слов не последовало реакции.

Все ученицы Храма Южного Ручья, как внутри так и снаружи соломенной хижины, оставались спокойными и тихими, как будто они ничего не слышали.

Сюй Южун тоже вела себя, как будто она не слышала. Она только тихо смотрела на Пин Сюань и И Чэнь.

Перед началом уединения за каменной стеной на вершине она передала управление Храмом Южного Ручья этим двум старшим сестрам.

Ее спокойный взгляд сейчас ясно просил их дать объяснение событиям этого дня.

Хуай Жэнь вздохнула, желая сказать что-то.

Сюй Южун продолжала игнорировать ее, ее взгляд оставался сосредоточен на Пин Сюань и И Чэнь.

Хотя они были ученицами того же поколения, у Пин Сюань и И Чэнь не было воли продолжать стоять. Они уже некоторое время кланялись.

Глаза И Чэнь повлажнели, а ее голос дрожал: «Я действительно не знала, что делать».

Когда она говорила это, из ее глаз начали капать слезы.

Сюй Южун знала, что ее природа всегда была мягкой и приятной. Она предположительно не смогла выдержать нескончаемые увещания ее учителя в ту ночь, что привело к ее согласию в закрытии храма на плато.

Пин Сюань была намного спокойнее, говоря: «Эта ученица знает свою вину, но Учительница стара и слаба, и у нее не было дурных намерений. Я прошу Главу Храма быть снисходительной».

Хуай Жэнь была удивлена. Она не ожидала, что эта ученица, которая бросала ей вызов несколько раз сегодня на плато, сейчас будет просить для нее милости.

Но она не приняла эти слова, потому что даже сейчас все еще верила, что была права.

Она покойно передала события последних нескольких дней Сюй Южун. Как и прошлой ночью и сегодня, она ясно объяснила, почему хотела, чтобы Храм Южного Ручья закрылся на десять лет.

Сюй Южун от начала до конца не говорила ни слова, только тихо слушала.

Хуай Жэнь сказала: «Кажется, что сегодня все было мирно решено, но Святая Дева, вырвавшись из уединения, вы неизбежно заплатили невероятно высокую цену».

Чэнь Чаншэн посмотрел на Сюй Южун.

Хуай Жэнь продолжила: «Что, если эти вещи продолжают случаться? Святая Дева, сколько раз вы сможете продолжать платить такую высокую цену? Сколько раз Пик Святой Девы сможет заплатить такую цену? Имперский Двор и Дворец Ли, эта война между учителем и учеником - почему мы, ученицы храма, должны истекать кровью за них?»

В этот миг Сюй Южун наконец-то заговорила.

Она говорила очень мягко, но и очень ясно, так что все ученицы под деревьями могли громко и ясно слышать ее. И эти слова устремились прямо в сердце Хуай Жэнь.

«Боевая Тетя - старейшина, так что для вас верно заботиться о делах храма, но вы - не глава храма. Или вы хотите сказать... Что желаете занять мое место?»

<http://tl.rulate.ru/book/1222/287627>